

Выйдя из гримерной, Гуж подошел ко мне:

— Мы, кажется, уже однажды встречались, — сказал он, глядя и вспоминая. — Пойдите, сейчас точно скажу. Да, вспомнил: вы с Викой Акопян были у Левона Манукяна, и я как раз зашел к нему. Так? — Гуж явно был доволен своей памятью. — Восемь лет назад... — произнес он так, что сразу представилось: месяц за месяцем двенадцать месяцев — год, месяц за месяцем двенадцать месяцев — еще один год, и еще шесть раз то же самое. Это немало и для одного человека, а для актера, живущего в разных ипостасях

созданных им образов — тем более много.

У народного артиста Армянской ССР Гужа Манукяна таких лет не восемь всего, а двадцать пять — в этом году его актерской работе исполняется четверть века. Возраст самого актера — 46 лет — возраст творческой зрелости и обещаний предстоящих сценических удач. Но, глядя на Гужа (он очень не любит, когда к нему обращаются по отчеству), — очень молодого, ну, от силы 35-летнего, столь внушительный стаж кажется невероятным. И все-таки это так. И, разумеется, сам собой напрашивается вопрос: каков итог пройденного, его оценка самим актером?

„СЦЕНА—ЭТО ТРИБУНА...“

Гуж молчит, но я чувствую, уверена, что он знает эти слова и лишь не торопится высказать их.

— Участь всех гениальных мыслей одинакова: со временем они становятся, как говорится, избитыми истинами. Слова Станиславского «Любите не себя в искусстве, а искусство в себе» — такая истина. Но, во-первых, нельзя к великому слову «истина» выписывать ярылык «избитая» — это я расцениваю как величайшую неблагодарность к тем, кто не просто взял и высказал мудрую мысль, а шел к ней через собственную жизнь и творчество. И, во-вторых, великие истины мало знать, их надо постигать. Много лет назад я впервые узнал о Станиславском, и с тех пор началось мое постижение его принципов, методов — все равно как их называть. Любовь всегда сопряжена со страхом. Только себя можно любить безбоязненно, ибо глупому себялюбию неведомы сомнения и узнавание собственного «я». Любовь же к искусству — это вечное недовольство и неудовлетворенность уже сделанным, страх перед каждой новой ролью. Итог моей работы — это какие-то роли в театре, кино и на телевидении. Итог — в том, что свойственная молодости любовь к собственному «я» уступила свои позиции, сдалась в плен любви к искусству. И еще итог — почему-то не исчезает, а все растет во мне боязнь новых ролей. Вдруг не я ее, а она срывает меня? К новой роли я должен быть подготовлен заранее, задолго до того, как начну работу над ней. Меня удивляет всеядность начинающих актеров, их неразборчивость. Они готовы сыграть все, всех героев всех эпох и притом непременно главных героев. Рискую сейчас оказаться в роли традиционно скептически настроенного к молодежи зрелого мастера, и тем не менее считаю, что риск этот вполне оправдан. Потому что меня искренне возмущает, беспокоит, если хотите, злит отношение к делу и к молодым актерам. Они поступают в театр и... ничего не делают. Сидят и ждут. Чего? Больших ролей, разумеется. Вот тогда они покажут всем, на что способны! К чему размениваться, играть второстепенные, эпизодические роли? Понимаете, это у них установка, принцип: мастерство можно показать только в крупных ролях. Нет и тысячу раз нет! Я могу понять, если уже заявивший себя актер, опытный и талантливый, отказывается от эпизодической роли. Но я знаю множество случаев, когда такой ак-

тер берется за маленькую роль, поскольку видит в ней нечто интересное, позволяющее ему раскрыть еще один нюанс своего мастерства и дарования. Если такие актеры, как Смоктуновский, Леонов, Папанов и многие другие, не брезгают подобной возможностью, можно ли не возмущаться высокомерием начинающих и неизвестно еще, одаренных, талантливых или нет? Разве не через эту возможность прошли актеры моего поколения, например, мой однокурсник Армен Джигарханян (кстати, он и сейчас не отказывается от второстепенных ролей). Разве не через это должны делать заявку на более ответственные роли начинающие актеры?

— И потом, есть ведь для молодых актеров ТЮЗ...

— Вот именно. ТЮЗ — прекрасная школа для молодежи. Для меня ТЮЗ в свое время стал именно такой школой профессионализма, постижения собственной творческой индивидуальности. В ТЮЗе представлена прекрасная возможность играть много и самое разное. Я советую молодым актерам непременно пройти через ТЮЗ.

— Гуж, вас обычно называют достоверным актером. Как, по-вашему, эта достоверность достигается?

— Я не стану говорить о том, без чего актер немислим, — о фанатической преданности делу, умению подчинить ему все: личную жизнь, перепады в настроении и так далее. Не стану говорить и о том, что есть следствие такой преданности: о серьезном отношении ко всему, что касается дела. Впрочем, я вообще склонен считать, что в жизни человек тоже должен серьезно относиться даже к самому легкомысленному и пустячному событию, явлению, факту. Ведь в конечном итоге многих серьезных проблем в нашей жизни не было бы, если бы в свое время мы к их истокам, порою кажущимся незначительными, отнеслись бы серьезно, чем это принято. Мы стали слишком легкомысленны и в самых серьезных делах. Но это другой разговор. Итак, что нужно актеру для достоверности. На мой взгляд, наблюдательность. В нас должен сидеть еще и зритель. Для примера: Гуж — актер и Гуж — зритель. Гуж-зритель наблюдает как бы со стороны за Гужем-актером и отменяет, чувствует: вот здесь фальшиво, неправдоподобно, натянуто. Гуж-зритель корректирует Гужа-актера. Это очень важно, потому что оценка зрителя — высшая.

— Но ведь и зритель раз-

ного среднего зрителя — беспристрастного судью?

— А почему беспристрастного? Разве можно говорить об искусстве беспристрастно, и к чему? Что касается среднеарифметического зрителя, его тоже трудно и не нужно выводить. Пусть он будет разный. Но пусть любой зритель будет эмоционально задед. Чем сильнее затронуть эмоции зрителя, тем вернее путь к пониманию. Через сердце к разуму — только так. Пусть зритель не принимает моего героя, но пусть мой герой не оставляет его равнодушным. Пусть разозлит, восхитит, рассмешит, взбудоражит, заставит плакать — только не оставит равнодушным. Лично мне этого достаточно.

— В большинстве своем ваши герои — положительные типажи. Это случайность или ваш сознательный выбор? Что вы думаете о положительных героях? Когда вы сыграли Армена в фильме «Добрая половина жизни», многие критики пришли к мнению, что образ этот чересчур положительный и, значит, малоубедительный...

— Я не считаю, что Армен идеал положительного героя, у него негативное отношение ко многому. Но если даже принять его за такового, от этого он не перестает быть правдоподобным. В жизни есть и были полностью положительные личности. Но если даже принять за истину обратное, это не значит, что и в искусстве таких героев не должно быть. Сцена — это трибуна, с которой надо учить: вот таким должен быть настоящий человек. Разве не в этом смысл образа Гоши из фильма «Москва слезам не верит»? Чем это не идеал положительного героя, не считая водки в минуту его отчаяния? (Гуж улыбается). И разве когда играешь него, не говоришь тем самым: не будьте такими? Разве зритель не невидит его? Почему же нельзя предложить этому уставшему от разных негодяев и мелочных людшек зрителю идеал? Чтобы зритель этот пересмотрел в себе кое-что, постарался стать лучше, возвыситься до предложенного образца?

— Гуж, вы играете и на сцене, и в кино, и участвуете в телеспектаклях. Целесообразно ли молодым актерам совмещать работу в театре с работой в кино и на телевидении?

— Работа в театре, в кино и на телевидении требует очень большого напряжения сил, но и дисциплинирует, вырабатывает качества, необходимые высокопрофессиональному актеру. Именно по-

этому мне она кажется весьма полезной для молодых актеров. В кино от актера требуется быстрая реакция на все, понимание партнера с полуслова. Здесь эволюция роли не соблюдается, в начале съемок могут быть отсняты последние эпизоды фильма, и так далее. В кино контакт с режиссером более тесный — это немаловажно для начинающих. В театре — свои особенности, об этом много говорилось. Словом, и кино, и театр имеют свою специфику, которая в конечном счете формирует профессионально крепкого актера. Что касается телевидения, то это вообще прекрасная возможность играть много, при этом выбирать. Жаль только, что и в кино, и на телевидении особенно нет еще должной организованности, случается много простоев буквально из-за мелочей. Приходится потом за ограниченное время пройти сцену, следить и за кадром, и за ролью, потом бежать в театр. А ведь что снято на пленку, то уже не поправишь, это ведь не театр, где есть возможность сегодня сыграть лучше, чем вчера... Хотелось бы, чтобы в кино и на телевидении была обеспечена настоящая творческая атмосфера.

— Несколько слов, пожалуйста, о армянском драматургическом материале.

— Классика — это, разумеется, необходимая составная репертуара каждого театра, и нашего — в том числе. Есть, конечно, у нас проблемы в этом плане. Но меня как актера больше волнует современная армянская драматургия. Если искренне, то, по моему, положение у нас незавидное, пьес на современную тематику у нас мало, хороших — тем более. Катастрофически мало. А писательские силы между тем есть. Пытаюсь вспомнить не сколько имен писателей, создавших что-нибудь для театра — увы, их немного. Сейчас я руковожу драматическим кружком одного из абоянских заводов. Члены кружка — молодежь, влюбленная в театр. Мне эта работа доставляет радость и не только потому, что помогаю этим молодым людям войти в мир творчества. Радость и в том, что в этой работе я проверяю, могу ли чему-нибудь научить других. Так вот, хочу выразить желание моих «учеников», которых считаю частью той зрительской аудитории, перед которой мы, актеры, выступаем. Это желание — больше ярких, интересных пьес о нашем современнике, о людях нашей республики.

— Какие еще у вас пожелания — зрителям, себе?

— Себе — ролей без повтора уже достигнутого. Зрителям — больше минут, очисающих душу и разум — в театре, в кинозале и у голубых экранов.

Дж. АМИРХАНИЯН.